Халлин ворвалась в спальню Люка, оторвав Мару от ее тщетной попытки спрятаться под одеялом. Люк оставался неподвижным, но, должно быть, почувствовал приближение Халлин.

- Вставай! Вставай! Халлин, не колеблясь, заметалась по комнате, собирая одежду Мары. Ясно осознавая ее присутствие, Мара оставила попытки спрятаться и наблюдала за разворачивающейся сценой в предрассветных сумерках. Гибкий медик двигался с быстротой вихря, в то время как Люк наконец пошевелился, и в его голосе послышались нотки веселья.

- Надеюсь, это того стоило... - заметил он, когда Халлин придирчиво проверил, не упустил ли он чего-нибудь из виду. Этого было достаточно, чтобы Люк окончательно проснулся, он спокойно приподнялся и, откинув одеяло, провел пальцами по волосам.

Халлин остановился, все еще держа в руках одежду Мары. - Что ж, я рад, что кому-то это кажется интересным, - сказал он.Мара спросила главного помощника императора: "Что здесь происходит с Амеддой и как далеко он находится?" - Добавил Люк все еще хриплым ото сна голосом. - До него еще несколько минут, - ответил он. Халлин помолчал, не глядя на Мару, но его молчание с таким же успехом могло быть подтверждением. - С предварительным предупреждением, - заключил он.

Мара уловила легкий вздох Люка и поняла, что он разделяет ее мысли. Слова и действия Халлина раскрыли слишком многое. Было ясно, что Халлин не только доверял Маре, но и доверял ей настолько безоговорочно, что пытался скрыть свои знания. Более того, он признал, что у Люка был информатор в Кабинете министров и палатах Совета.

- Все в порядке, Натан, - сказал Люк, теперь его голос звучал более настороженно. - Мара останется здесь. Ты можешь попросить Вэз, чтобы кто-нибудь из доверенных лиц раздобыл для нее форму. Позже она уйдет, как ни в чем не бывало, забрав с собой свою одежду. - Мара продолжала хмурить брови, обеспокоенная неожиданным приездом канцлера Амеды. ” Вы часто принимаете здесь посетителей? Люк полуобернулся к Маре. - Нет, это только по официальному делу, как эмиссар императора.

Маре пристально посмотрела на Халлина. ” Ваш друг сообщил вам о причине своего визита? Люк вмешался, прежде чем медицинский дроид успел ответить, очевидно, не желая, чтобы Халлин попал под пристальное внимание Мары. “Если бы Палпатин знал о вашем присутствии здесь, он бы уже добрался сюда”, - сказал он. “А если бы он не знал, то отправка официального эмиссара - это не совсем тактично. Никто из нас не стал бы совершать ошибку из страха”.

Мара, встревоженная таким совпадением, кивнула. “Тем не менее, - сказала она, - если Палпатину известно о вашем местонахождении, лучше быть готовым”.

Люк повернулся к ней. На мгновение она уловила противоречие в его взгляде. Он хотел что-то сказать, но сдержался и снова обратился к Рису. “Проводи Амедду в утреннюю гостиную”, - приказал он.- Нет, подождите, - вмешалась Мара. - Отведите его в Белую гостиную. Это помешает Люку получить прямой доступ в свои личные покои.

Люк вопросительно посмотрел на нее. Мара лихорадочно соображала, пытаясь придумать правдоподобное объяснение их цели. Однако она не смогла придумать убедительного оправдания, поэтому призналась правду: "В задней стене хранилища вашей музыкальной комнаты есть потайной ход. Если я смогу добраться до него, то окажусь тремя уровнями ниже".

- В помещение для прислуги? Люк изобразил безразличие, хотя Мара заметила его неподдельное любопытство. Она кивнула, понимая, что он сохранит эту информацию для дальнейшего рассмотрения, но в то же время осознавая ее потенциальную полезность для их

обоих интересов.

- В боковом коридоре на кухне, - быстро обратился Люк к Халлину, и его тон выдавал его нетерпение. - Не могли бы вы показать мне, как пройти через центральный зал?

Халлин ответил по памяти: "Клем и Вазиг на дежурстве. Вазиг служит вашим личным охранником, в то время как Клем находится в главной башне. "Мы знаем, что Клем будет находиться в нексусе, хорошо патрулируемом центральном месте, которое нравится стражникам из-за превосходного обзора четырех основных коридоров, ведущих в отдаленные уголки здания. Это означает, что путь к отступлению Мары был бы эффективно перекрыт, если бы она попыталась воспользоваться любым из этих путей.

- Я могла бы срезать путь через ваш кабинет, - предложила Мара, имея в виду удобный способ срезать путь, минуя длинный парадный зал и обширный центральный атриум. - Или, возможно, через парадную столовую, и... - Люк покачал головой в ответ. - Вам все равно придется пересечь Большой зал, галерею и главный коридор, ведущий в Музыкальную комнату, не говоря уже о том, что вам придется пересечь еще раз возле главного входа и Амедды — слишком много возможностей для обнаружения.

Вместо этого он обратился мыслями к Халлин. "Клем оснащен устройством защищенной связи для служебного пользования."Когда Мара будет готова, пройдите в штабное крыло и позвоните в караульное помещение напротив — попросите лейтенанта Клема прийти. Убедитесь, что сообщение невозможно отследить.

Клем - один из многочисленных телохранителей, приставленных к лицам высокого ранга во дворце. Мара знает, что их обязанности не выходят за пределы дворца, хотя обычно они закреплены за конкретным человеком или домочадцами.

Как и в случае с лицами с высоким статусом, кажется, что существует чрезмерное количество людей, которым требуется доступ в резиденцию Люка в любой момент — телохранители, личные помощники, секретари и обслуживающий персонал. Она вспоминает его первоначальное негодование по прибытии, когда он воспринял это не более чем как слежку, что отчасти справедливо для высокопоставленных лиц в императорском дворце.

Сейчас он, кажется, чувствует себя совершенно непринужденно, но тщательно окружает себя теми, кому доверяет, а тех, кого не доверяет, старается досконально понять.Мара в замешательстве наблюдала, как Халлин выходит из комнаты, и его уход оставил у нее чувство неловкости. Она на мгновение задумалась, к какой категории относится он сам, когда он кивнул в ответ на слова Люка, широко раскрыв глаза, которые казались еще больше из-за его худощавого телосложения и оливкового цвета лица.

Слова Люка развили мысли Мары: "И Натан, постарайся не быть поблизости, когда приедет Аммеда", - заставив встревоженного Натана остановиться в дверях. Халлин бросил на нее безразличный взгляд и выбежал вон, оставив Мару с осознанием того, что он даже не взглянул в ее сторону, а только заметил Люка.

Мара наблюдала, как Люк вздохнул в наступившей тишине, потирая переносицу. - Видишь ли, именно поэтому нам не следует встречаться во дворце. Во-первых, у Натана может случиться сердечный приступ в течение недели.

Взгляд Мары был прикован к закрытой двери, она все еще обдумывала произошедшее. - Он забрал всю мою одежду, - пробормотала она, и в ее голосе прозвучало недоверие. Люк вскочил на ноги и направился к двери, но остановился как вкопанный. Он поспешил обратно, чтобы

взять одежду, лежавшую на прикроватном столике. На ее губах заиграла озорная улыбка, когда она склонила голову набок. - По сравнению с тобой вся эта спешка кажется гораздо более соблазнительной... возможно, это потому, что ты раздет...

Он бросил на нее испепеляющий взгляд, прежде чем продолжить свой путь к двери, на ходу запахивая халат.

Целью визита было передать официальное послание от императора в виде приказа о полете для «Патриота», который должен был вылететь тем же утром в систему Рим в сопровождении высокого гостя. Сам Палпатин отправлялся в первый рейс на «Патриоте», сопровождаемый кораблями «Несравненный» и «Бесстрашный».

Это открытие вернуло Марию к суровой реальности, заставив ее осознать глупость их действий предыдущим вечером. Они рисковали не только своей жизнью, но и жизнью Халлин. Хотя Люк, возможно, и смог бы оградить Мару от любопытных глаз Палпатина, он не смог защитить Галина от пристального внимания императора. Халлину предстояло провести несколько недель на борту «Патриота» в непосредственной близости от Палпатина, что делало его уязвимым для манипуляций Палпатина. Если бы Палпатин стремился предостеречь, обескуражить или даже просто запугать их, он вряд ли смог бы выбрать более эффективный метод.

Палпатин занял похожее на трон кресло на командном мостике корабля "Патриот", которое было спроектировано специально для его роста. Он ответил на почтительный поклон Халлина коротким кивком, отпустив помощника, и быстро покинул мостик. Повелитель Ситхов выглядел явно взволнованным, и его беспокойство было вполне обоснованным. То, что он знал о тайных встречах Джейд и Скайуокера, создавало ощутимое напряжение, но он предпочел скрыть эту информацию от своей ученицы.Палпатин тщательно отбирал практикующего врача, когда завладел Скайуокером. Его намерением было найти кого—то, кому мальчик мог бы довериться, - кого-то, кто разделял бы его возраст и взгляды, с кем он мог бы завязать дружеские отношения. В то время Палпатин не знал о чувствах Скайуокера к Джейд, поэтому, если бы Джейд оказалась неподходящей, возможно, был бы выбран Халлин. В любом случае, Палпатину нужно было иметь какие-то средства контроля над Скайуокером, которые можно было бы легко отозвать при необходимости.

Джедай, конечно же, знал обо всем этом. Он понимал, что существование практикующего врача было временным, и его связь со Скайуокером служила как защитой, так и осуждением. Несмотря на свою растущую силу, джедай признавался себе, что допускал слишком много недостатков, и осознавал это.Стоя в передней части мостика, как можно дальше от Палпатина, и ощущая на себе пристальный взгляд своего учителя, джедай обнаружил, что находится в компании адмирала Джосса и трех других офицеров, вовлеченных в тихое обсуждение сложившейся ситуации. Мара держалась на почтительном расстоянии, обеспокоенная перспективой того, что "Пэтриот" совершит гиперпространственный прыжок, имея лишь набор координат, без обозначения планеты или навигационных данных.

Палпатин, однако, казался беззаботным; его военнослужащие выполняли его приказы, а логическую подоплеку миссии он намеренно скрывал от своих джедаев. Его намерением было вызвать непредвзятую реакцию по прибытии, не обремененную временем, отведенным на то, чтобы скрыть истинные эмоции за щитами — Скайуокер стал слишком искусен в таких уловках.Палпатин с интересом заметил, что Энакин все еще носит кольцо. Несмотря на то, что прошло несколько дней, он научился воспринимать инцидент как незначительную ссору, но не настолько незначительную, чтобы позволить мальчику поговорить со своим отцом после

инцидента. Вместо этого он выдвинул этот план, чтобы держать их порознь до тех пор, пока Палпатин не сможет посеять семена сомнения в сознании Энакина.

Слабая улыбка заиграла в уголках губ Палпатина, когда он оценил ироничный характер ситуации. Он был обеспокоен тем, что Энакин общается со своим отцом, в то время как на самом деле именно его мать пыталась настроить Энакина против Палпатина. Ее усилия потерпели неудачу, и они будут продолжать терпеть неудачу. Она не смогла вбить клин между ними, и Палпатин должен быть благодарен за это. В конце концов, именно она предоставила ему человека, который помог бы ему в создании его империи. Кроме того, она заложила основу для его долгосрочного успеха.Палпатин вынашивал грандиозные планы в отношении сына Падме, похожие на те, что он когда-то вынашивал в отношении своего собственного прародителя. Ничто столь приземленное, как намерения мальчика, не могло помешать его грандиозному плану. Юноша остается пешкой в игре, о чем свидетельствует это путешествие. Сернистые глаза становятся ледяными, пока Палпатин обдумывает долгосрочные стратегии, некоторые из которых требуют присутствия Мары, другие - нет. В настоящее время он терпимо относится к их связям, поскольку они служат его ближайшим и будущим целям. Однако он не выставляет напоказ эти неблагоразумные поступки во дворце, где он участвует в других, более значимых играх.В краткосрочной перспективе Джейд предоставила Палпатину еще одно средство контроля над Скайуокером, хотя и скрытым образом. Она не предала бы его, о чем неоднократно предупреждал Палпатин. Несмотря на эти предупреждения, Люк позволил Джейд привязаться к нему, что является ироничным поворотом событий. Несмотря на предупреждения Палпатина, она стала его ахиллесовой пятой, свидетельством его слабости.

Когда Палпатин в конечном счете использовал Люка как инструмент для манипулирования им, Палпатин мог винить в своих действиях только себя. На самом деле, это было именно то, чего добивался Палпатин. Ему нужно было сохранить контроль, поскольку его уверенность в своих прежних методах начала колебаться. Однако он также осознавал важность гибкости и приспособляемости. Было бы прискорбно, если бы он не смог снова использовать камеру под дворцом в качестве средства контроля над джедаями.

Люк теперь стал скорее ситхом, чем джедаем, и Палпатин подозревал, что ячейка больше не может быть эффективна против него. Слабая улыбка искривила его губы в легкой усмешке.Действительно, это было прискорбно — он наслаждался их взаимодействием на том поле битвы, где все цивилизованные фасады были окончательно сброшены. Палпатин откинулся назад, внимательно наблюдая за Люком, стоявшим перед мостом. Его железная решимость не поддаваться взгляду императора была очевидна, когда он стоял там, всегда непокорный в своем своеволии.

Да, было бы непросто снова взять его под контроль — подчинить его себе силой. Но, возможно, в этом больше не было необходимости. Действия мальчика во время запуска "Патриота" удивили Палпатина своей решительностью и целеустремленностью. Вот почему он был там сейчас, готовый к следующему шагу.

Его волк наконец-то подчинился…. хотя иногда и рычал. Он прищурился, вспоминая свой недавний визит в камеры джедаев. Он сожалел, что так и должно быть. Как бы сильно он ни желал, чтобы его волк подчинился, он не мог вынести дальнейшего заточения. Все было ясно.Он вспомнил, как стоял в тускло освещенном операционном зале, лицом к камере предварительного заключения. Его взгляд был прикован к происходящему внутри, пока он ждал, когда Скайуокер очнется от наркотического оцепенения. Он знал, что это было испытание воли, и хотя специально сконструированная камера была увеличена, чтобы приспособиться к растущим способностям Скайуокера, казалось, что она достигла своего предела.

Скайуокер осознавал свои способности и разум как никогда прежде. Это было суровым испытанием его характера. Причина его присутствия здесь — его неоднократное непослушание и проступки — еще не полностью осознавалась Скайуокером; вместо этого его разум был поглощен гневом из-за того, что он был заключен в тюрьму. Суровые последствия его действий маячили впереди, и дни заключения стали временем для размышлений и осознания неизбежных последствий.Палпатин наблюдал, как Скайуокер постепенно приходил в сознание, борясь с последствиями действия лекарств, которые сохранялись в его организме до тех пор, пока противодействующее противоядие не смогло нейтрализовать их самораспространяющиеся свойства. Это послужило еще одним методом обуздания зарождающихся ситхских наклонностей Скайуокера.

Наказание, часто длившееся несколько дней, характеризовалось отсутствием милосердия или предела, о чем Палпатин часто предупреждал мальчика — урок, преподносимый посредством строгих и непреклонных инструкций, редко требовавших повторения.Скайуокер быстро осознал, что его окружает, и попытался встать на ноги. Его взгляд был прикован к двери, но он воздержался от попыток приблизиться к ней. Вместо этого он издал вызывающий крик, направив его в сторону одного из постов безопасности. Если бы это была физическая линза, Палпатин не сомневался, что мальчик в ярости разбил бы ее вдребезги, но вместо этого это был всего лишь один из множества сенсорных ретрансляторов, разбросанных по толстым стенам камеры. Эти узлы объединились, чтобы создать голографическое изображение в комнате управления, не дав Скайуокеру возможности выразить свое разочарование.Несмотря на это, Скайуокер вскоре обнаружил цель. Пошатываясь, он повернулся и крикнул еще раз. Когда никто не ответил, он опустил голову и, присев на корточки, закрыл глаза.

Палпатин почувствовал, как закружилась энергия, когда мальчик призвал Силу. Поток необузданной мощи, подпитываемый страхом, разочарованием и яростью, тронул губы Палпатина, изогнув их в напряженной улыбке. Мальчик продолжал вбирать в себя эту силу в течение долгих мгновений, опустив голову и полностью погрузившись в переживание. Затем, сжав кулаки, он направил свою энергию вовне, демонстрируя стихийную мощь.

Результат его атаки, усиленной силой, был воспринят в командном центре как глухой удар, сопровождаемый одновременной активацией множества сигналов тревоги и появлением числовых данных и проекций на ближайшем дисплее. Палпатин поморщился от интенсивности атаки, не отрывая взгляда от голограммы.В пределах камеры пол во владениях Скайуокера был изрезан, образуя точную чашу, а прилегающие стены сжаты в перевернутые полусферы, в то время как потолок, в свою очередь, потрескался, чтобы придать ему ту же форму. Вместе они создавали плавный и незаметный изгиб, который окутывал его, когда он, сгорбившись, осматривал окрестности.

"Общая структурная целостность снизилась на 16 процентов", - заметил встревоженный охранник, наблюдая за цифрами, бегущими по экрану. Его рука зависла над набором обозначенных кнопок, ожидая команды, но Палпатин только улыбнулся.

"Нет, пусть будет так", - с удовлетворением заявил Палпатин. Он сомневался, что у молодого человека хватит мужества повторить тот же подвиг, особенно в его нынешнем состоянии.

Камера, с несколькими модификациями, была спроектирована так, чтобы походить на ту, которую лорд Вейдер использовал для контроля Люка во время их пленения на Беспине. Это была сложная конструкция, состоящая из двух камер, расположенных одна в другой. Внешняя камера отличалась толстыми стенами и кабелями, работающими в вакууме, в то время как внутренняя камера состояла из серии укрепленных панелей, которые обеспечивали

стабильность конструкции благодаря вакууму.

Спроектированная таким образом, чтобы выдерживать давление, в несколько раз превышающее давление вакуума, эта сложная и взаимосвязанная система была практически неразрушима.Если бы человек, чувствительный к силе, попытался проникнуть в камеру, приложив внешнее давление, это лишь укрепило бы стены. Если они попытаются втянуться внутрь и если стены окажутся недостаточными, давление автоматически возрастет, чтобы укрепить их.

В маловероятном случае катастрофического разрушения внутренних стенок камеры выравнивание давления привело бы к потере сознания любым живым существом, находящимся в пределах помещения. Это хитрый и эффективный метод сдерживания джедаев, который был успешно применен после "Войн клонов" без каких-либо сообщений о сбоях.Скайуокер наклонил голову, и его снова пронзил прилив энергии, острый, как лезвие. Оно нарастало, натягиваясь, как тетива лука, невероятное количество энергии сконцентрировалось в одной точке, необузданное и мощное, готовое к тому, чтобы быть направленным. Палпатин затаил дыхание...

Выброс был подобен взрыву бомбы, ударная волна была настолько мощной, что потрясла бронированную дверь камеры и отдалась эхом в ушах охранников. Они нервно зашевелились, подняв бластеры, когда над дверью камеры замигала сигнальная лампочка."Герметичность снизилась еще на двадцать девять процентов", - сказал мужчина, и его голос выдавал его отчаяние. "Во внутренней стенке многочисленные трещины, а во внешней оболочке - три крупные трещины". Система создавала вакуум, чтобы компенсировать перепад давления. Палпатин стоял неподвижно, склонив голову набок, готовясь к неминуемому взрыву. Его взгляд был прикован к голографическому изображению камеры, пока пыль оседала с потолка, и изображение очищалось от статических помех.На стенах теперь виднелись глубокие выбоины, все еще сохранявшие безупречную сферическую форму вокруг Скайуокера. На их поверхности появились длинные трещины, а в некоторых местах обшивка даже отслоилась, обнажив лежащий под ней пласталевый каркас. Он поднял голову, чтобы оценить ущерб, и Палпатин наклонился вперед, прищурив глаза.

На этот раз резкое изменение давления от всплеска было достаточно сильным, чтобы повлиять на Скайуокера, несмотря на его очевидные попытки защититься. Однако у него началось кровотечение из носа, и ярко-алая кровь брызнула на его белоснежную одежду, которую он неизменно носил во время своего заключения. Если он и заметил это, то не подал виду. Быстро оглядевшись по сторонам, он снова опустил голову и сосредоточился. Величина его могущества росла, накапливаясь подобно статическому электричеству.Это было похоже на удары гвоздей по зубилу или лезвий по стали, но Палпатин упорствовал, его железная воля и неизмеримая сила вели его вперед. "Если увеличить усилие на такую величину, - подумал он, - то и внешняя, и внутренняя стены разрушатся конструктивно..." Охранник напрягся, его рука зависла над тремя кнопками. Зная, что он может лишить пленника сознания за считанные секунды, он нажал на них.

Палпатин надолго замолчал, разрываясь между желанием увидеть, что будет делать мальчик, когда его доведут до предела, и намерением сохранить камеру в целости. Наконец, он заговорил: "Подождите. Я поговорю с ним. - Мужчина кивнул, сдерживая желание поторопить императора.

Люк снова съежился, низко пригнувшись и сосредоточившись... Дверь с шипением открылась, взметнув облако пыли в яркий свет коридора. Люк прищурился, когда повернулся, прикрывая глаза от яркого света. - Прекрати это, - пренебрежительно произнес Палпатин, входя в

комнату, и дверь закрылась за ним со зловещим шипением. Он пересек комнату, не останавливаясь, его взгляд был устремлен вперед, игнорируя Люка. "Ваши действия навредят только вам самим", - заявил он.

Люк поднялся на ноги, в его позе читался гнев, но комната закружилась вокруг него, и он отшатнулся, в его крике слышалось явное разочарование. Палпатин остановился и повернулся к Люку, его напряженные глаза, похожие на мерцающие желтые языки пламени в темных уголках тяжелого красного капюшона, выражали неодобрение и требование. Но Люк отказывался уступать.

- Вы не можете удерживать меня здесь, - заявил Люк, и его слова сочились ядом, подпитываемым бесстрастным презрением Палпатина. Палпатин молчал, стоя спиной к осыпающейся стене и наблюдая за Люком, как родитель за капризным ребенком. - Ты прав, - признал Мастер ситхов, - но мы оба знаем, что это место - нечто большее, чем просто стены и решетки. Люк замолчал, его мысли на мгновение прервались, хотя по его дикому взгляду и напряженной позе Палпатин мог понять, что он все еще не восстановил контроль над своим гневом.

"Это более прочная клетка, которую ты построил для себя", - сказал Император, указывая на запертую дверь, - "и в твоей власти открыть ее". Скайуокер повернулся, все еще неуверенно держась на ногах, но его решимость не уменьшилась. Он поднял руку...

- Но имей в виду, что если бы ты это сделал, это означало бы конец для всех присутствующих здесь, для всех. При нынешнем положении вещей мне нужно произнести всего одно слово, чтобы активировать орден, - ответил Палпатин. Мальчик заколебался, понимая, что угроза реальна. Даже стоя к нему спиной, Палпатин видел страх в глазах мальчика. Он улыбнулся, осознавая свою победу. Теперь в его тоне слышалась насмешка: "Видишь? Цена слишком высока. Ты ничтожно слаб, и тебя легко обмануть. - В глазах Скайуокера вспыхнул огонь, когда он повернулся. Его гнев едва сдерживался. Палпатин понял, что это будет непросто. Стало меньше ограничений, сдерживающих его дикую натуру, но их все равно было достаточно, если он мог проявлять осторожность.

- Тогда давайте уйдем через портал, - сказал ситх.

- И что потом? - спросил мальчик.

“Если меня больше не будет, что останется преследовать меня?”

Ситх ответил: “У меня другие планы. Я не собираюсь так легко отказываться от своего волка”.

Мальчик молчал, его грудь тяжело вздымалась от напряжения, чувства были возбуждены и непостоянны.

Палпатин оставался твердым, непоколебимым. "Ты думаешь, что сможешь ускользнуть от меня, что ты сможешь сбежать? Ты думаешь, что сможешь ускользнуть от меня? Не будь таким наивным. Галактика больше не такая огромная. Ты никогда больше не будешь вне моей досягаемости, ибо я прекрасно понимаю, чем ты пожертвуешь, чтобы сохранить свою свободу, и я осознаю, какую высокую цену тебе придется заплатить. Это ваша ахиллесова пята; вас легко купить, но не богатством или властью, а жизнями тех, кого вы даже не знаете. В этом ваша истинная слабость. - Палпатин угрожающе шагнул вперед. - Я не настолько слаб. Я буду преследовать вас шаг за шагом, оставляя за собой смерть и разрушения. Ибо я знаю, что вы отреагируете — вы не можете не отреагировать. Каждое существо, к которому вы

прикасаетесь, каждое сказанное вами слово, каждая сделка, которую вы совершаете, — каждая планета, система и человек. Когда число погибших станет слишком велико? Когда ваша решимость поколеблется?”

Холодные желтые глаза императора сузились, его взгляд стал жестче, когда он задал вопрос. Это была скрытая угроза, которая требовала решительного ответа."Это меня не остановит", - заявил он. "Я бы отомстил. Я причинил бы страдания каждому существу, которое вам дорого, заставив их кричать в агонии так пронзительно, что вы услышали бы их крики из глубин ада. Вы узнаете, что ваши поступки навлекли это на них. Их семьи, их род, их мир — мое возмездие охватит все галактики. Уверяю вас, пройдет немало времени, прежде чем я получу удовлетворение."

Мальчик молчал, впитывая силу безжалостной обличительной речи ситха. Его челюсти сжались, глаза наполнились беспомощной яростью из-за опасности, которую он навлек на себя и окружающих. Попытка Палпатина подчинить его себе уничтожила большую часть того, чем он дорожил в своей прошлой жизни. Тем не менее, то, что осталось, хотя и было отделено от его памяти и реальности, все еще присутствовало в нем.Палпатин хорошо знал об этом и продолжал обвинять Скайуокера в слабости. Повелитель Ситхов понимал, что если в характере Скайуокера и были какие-то недостатки, то окружающие его люди неизбежно использовали их в своих целях. Скайуокер старался сохранять сосредоточенность, его адреналин начал снижаться под воздействием наркотиков.

Скайуокер молчал, его взгляд пылал яростью, когда он смотрел на своего похитителя. “Скажи это”, - насмехался Палпатин, сардоническая ухмылка играла на его бледных губах. Он знал, что мальчик отреагирует. Этот обмен, независимо от обстоятельств, был предопределен с того самого момента, как Вейдер привел его сюда — задолго до того, как он был заключен в эту камеру как джедай.

“Сострадание - это не...” Слова Палпатина были пропитаны презрением, пронзившим Скайуокера, как клинок. “Сострадание — это слабость, оно всегда было ахиллесовой пятой джедаев”. Решимость Скайуокера поколебалась, и Палпатин понял, что одержал победу.Как вы полагаете, сострадание придало вам силы противостоять вашему отцу? Считаете ли вы, что оно дало вам возможность победить его? Проявляют ли те, кого вы защищаете, сострадание к вам? Проявлял ли кто-нибудь когда-нибудь сострадание к вам? Вы позволяли эксплуатировать себя и манипулировать собой. Здесь нет места слабости. Пока вы не преодолеете эти недостатки, все пути будут оставаться закрытыми для вас, и кто-то будет продолжать осуществлять контроль над вами. Вы останетесь заключенным в этом государстве на неопределенный срок.По мере того, как Палпатин произносил свою речь, его тон становился все более сдержанным, и к концу его разочарование превзошло гнев. Он придвинулся ближе к Скайуокеру, ища ответ в глубине его бледно-голубых радужек.

"Стремитесь ли вы провести свою жизнь в том, чтобы вами манипулировали? Вы хотите быть похожим на своего отца?"

Скайуокер вздернул подбородок, но промолчал, и Палпатин сделал свое последнее предупреждение: "У истинного ситха нет уязвимых мест. Преодолейте эту слабость, или я сделаю это за вас — самым убедительным образом из возможных".

Его слова повисли в воздухе, в них безошибочно угадывалась угроза, когда он повернулся и направился к выходу из камеры. Тяжелые двери с шипением распахнулись перед ним, открывая стоящих в коридоре охранников, нацеливших на него оружие.

"Я вернусь завтра, и мы продолжим этот разговор", - заявил он, прежде чем исчезнуть за дверью. Внутренняя дверь закрылась за ним с тихим щелчком, за которым с шипением закрылась внешняя, и в камере воцарилась полная тишина.Воздействие силового поля, которое через мгновение столкнулось с дверью, было значительным, но оно представляло собой лишь малую часть той мощи, которой мог обладать джедай. Это было, скорее, проявлением его тревоги по поводу все более ограничивающих возможностей, доступных ему.

Халлин вздохнул с облегчением, переступая порог сцены, радуясь, что находится вне поля зрения императора, но в то же время понимая, что не может избавиться от его мыслей. Он снова задумался о том, как Люк мог день за днем выносить постоянное внимание Императора и почему он упорствовал. Палпатин был мастером манипулирования, проводя игры по дезориентации и тонкому внушению с разрушительными последствиями. Халлин стал свидетелем этого во время своего разговора с Люком в том году, после очередного заключения в камеру под дворцом — последнего, хотя с тех пор прошло пять месяцев.

Когда это происходило, у Люка не было доверенного лица, никого, кому он по-настоящему доверял, и никто не знал о его местонахождении, часто в течение нескольких дней или даже недель подряд. Это всегда следовало за конфронтацией или вызовом со стороны Палпатина. Официальная версия — и здесь никогда не следует оспаривать официальную версию — заключалась в том, что он получил секретное задание от императора и вернется после его выполнения.Постепенно Халлин, не вдаваясь в подробности, начал понимать правду. Прошли годы, прежде чем он отважился спросить других людей из ближайшего окружения Люка, знают ли они правду. Джейд, как ему казалось, знала, но они с Люком никогда не обсуждали это. Все, что Халлин мог заметить, это то, что когда Люк возвращался, он был молчалив и замкнут в течение нескольких дней, что было следствием как усталости, так и испытаний, связанных с противостоянием Палпатину. Эти испытания, хотя и стали менее частыми, не ослабли по мере того, как Палпатин искал новые методы контроля и наказания. Последняя встреча не стала исключением.

Люк появился четыре дня спустя, его тело было избито и покрыто синяками, он медленно и осторожно продвигался к своим личным покоям. Клем объявил о своем прибытии, что побудило Халлина держаться подальше. Люк проделал обратный путь, невзирая на трудности, зная, что для него важно путешествовать одному, даже на этом последнем этапе своего путешествия.Вернувшись в подземную камеру под императорским дворцом для отбывания наказания, Палпатин ввел режим, согласно которому после освобождения Люка он бессознательно переносился в присутствие императора. Там Люк получил медицинскую помощь от врачей Палпатина.

До тех пор, пока Люк не сможет самостоятельно преодолевать расстояние между покоями императора и своими собственными покоями, ему было запрещено покидать их. Если Люк попытается уйти преждевременно и потерпит неудачу, он окажется в покоях Палпатина, измученный, что еще больше задержит его выздоровление из-за напряжения. Натан подозревал, что это была еще одна дьявольская игра воли, организованная Палпатином для его развлечения.

Натан и джедаи вступили в еще одну небольшую битву умов, как они делали это много раз до этого. Этой ночью, как всегда, Натан заставил себя ждать в личных покоях Люка. Он терпеливо наблюдал и делал все, что мог, с расстояния примерно в шесть шагов. Натан стиснул зубы, подавляя желание утешить его, поскольку было уже далеко за полночь.Люк, полностью одетый, рухнул на кровать. Натан оставил его там, прекрасно понимая, что лучше не пытаться помочь ему раздеться. Вместо этого Натан сел в шезлонг в дальнем конце зала.

Однажды Люк бросил взгляд в сторону Натана, требуя от него каких-либо комментариев. Натан отвел взгляд, неловко пожал плечами и заявил: "Мы оба знаем о правилах". Люк позволил своим векам сомкнуться, поддавшись усталости. Натан всю ночь сохранял бдительность.В последующие несколько дней Натан оставался рядом с Люком, хотя Люк редко терпел чье-либо внимание, будь то медицинское или иное. Люк сохранял молчаливое и замкнутое поведение, очевидно, постоянно прокручивая в голове одни и те же мысли.

Натану оставалось только ждать разъяснений, которые Люк предоставил еще почти через два дня. Даже тогда разъяснения были изначально даны в расплывчатых выражениях. Натан отчетливо помнил, как сидел в терпеливом и внимательном молчании, наблюдая за теплыми оранжевыми оттенками, по мере того как солнце постепенно переходило в темно-медный оттенок. Он размышлял, придется ли ему выдержать еще один день молчания, прежде чем Люк соберется с мыслями и сможет их сформулировать.

Когда Люк, наконец, поднял глаза на Натана, словно возобновляя давно начатый разговор, он задал вопрос: "Ты веришь, что жизнь может возникнуть спонтанно?" Натан моргнул, на мгновение озадаченный вопросом, который, очевидно, уже некоторое время вертелся у Люка в голове. - Я полагаю, - задумчиво произнес он, собираясь с мыслями и чувствуя на себе устремленные на него выжидающие взгляды.

"С научной точки зрения, я должен предположить, что в какой-то момент времени жизнь возникла в результате случайных взаимодействий между определенными молекулами, которые сохраняли свою целостность. На свет появился одноклеточный организм. Каждое живое существо является результатом этих случайных встреч, биологического процесса создания новых видов, движимого эволюционными силами природы. Вся галактика является продуктом спонтанного зарождения жизни.

Но верите ли вы, что сложные формы жизни могут спонтанно дать начало человеческой жизни?"

- Человеческая жизнь? Сомневаюсь в этом. Если бы это было возможно, то были бы зафиксированы случаи. Вы сами утверждали, что природа стремится раздвинуть границы возможного, но люди начинают с деления одной клетки. Для запуска репликации клеток необходим внешний стимул.Натан кивнул в знак согласия. “Некоторые виды способны к самопроизвольному размножению, но они не люди. Их физиологические процессы отличаются, и потребовались тысячелетия, чтобы эта способность развилась. Физиология человека требует внешнего воздействия”.

Люк беспокойно заерзал, чувствуя, как ноют его ушибы, которые все еще приобретали багровый оттенок. “Что, если это внешнее воздействие и есть Сила?”

Натан склонил голову набок, собираясь продолжить дискуссию, поскольку Люк, казалось, глубоко задумался над этой темой. “Вы просите меня высказать предположение, выходящее за рамки моей компетенции. Моим ответом было бы: ”Расскажи мне больше".

Люк отвернулся, погруженный в свои мысли, пытаясь уловить суть разговора. Мы обсуждали деление отдельной клетки и Силу, потенциально действующую на молекулярном уровне в организме. Именно так мы исцеляем себя. Таким образом, возникает вопрос: может ли джедай создать жизнь внутри себя?Но мы также обладаем способностью использовать нашу силу для исцеления других людей. По своей сути, Сила - это молекулярное взаимодействие, действующее на уровне атомов и молекул. Мы не принимаем сознательного решения действовать на этом молекулярном уровне и не осознаем конкретно этот процесс,

происходящий внутри нас.

Однако, если бы мы могли проникнуть в организм другого человека и манипулировать его клетками на таком уровне, мы смогли бы искоренять инфекции или распространять лекарства. При наличии соответствующих знаний и подготовки мы могли бы даже разделить одну клетку на две.

Натан беспокойно заерзал на стуле. - Ты собираешься это сделать? Люк удивленно поднял глаза, пораженный тем, что Натан вообще решился на такой подвиг. - Я? Конечно, нет. Я просто..... Его голос затих, и Натан уставился на него с чувством неловкости.Люк надолго замолчал, погрузившись в размышления. Казалось, в его голове проносились разные мысли. Когда он, наконец, нарушил молчание, то задал вопрос: “Предположим, человек, чувствительный к Силе, манипулирует Силой и возвращает человека к жизни. Будет ли такая жизнь как-то связана со своим создателем? Будет ли ребенок нести на себе отпечаток характера создателя, будь то хороший или плохой, как если бы он был физическим родителем? Или это будет просто продукт Силы, не несущий никаких следов своего создателя?”

- Это глубокие вопросы, - серьезно заявил Натан. Но непреклонный взгляд Люка заставил его остановиться и задуматься. - Теоретически, с медицинской точки зрения, ребенок унаследует только генетический состав одного из родителей, без каких-либо следов другого. Их ДНК была бы единственным имеющимся генетическим материалом, что делало бы ее единственным доступным источником генетического материала. Этот сценарий имеет сходство с концепцией клонирования." “Но как насчет самой Силы? Те мидихлорианы, которые катализируют клеточное деление, — будут ли они служить вторичным донором в таком сценарии? Если это так, то этот ребенок должен обладать беспрецедентным количеством мидихлорианов... связь с Силой более глубокая, чем у любого другого. Но если это правда, кто или что может быть аспектом Силы, ответственным за создание этого ребенка, с которым они будут связаны безвозвратно?”

Постепенно Натан начал понимать, что этот разговор был более личным, чем он думал вначале. “Ты имеешь в виду себя?” Спросил Люк, слегка покачав головой. “Нет, это не так. Мои мысли сосредоточены на моем отце и Палпатине”, - ответил Люк.

Натан погрузился в ошеломленное молчание, когда до него начал доходить весь смысл слов Люка.Затем Люк задал следующий логичный вопрос, который он явно не хотел задавать, но чувствовал себя вынужденным задать: "Может ли генетическая подпись преступника передаваться через Силу таким образом, чтобы он во всех отношениях функционировал так, как если бы он был биологическим донором?" - Натан задумался над вопросом. задам вопрос на мгновение. “Я сомневаюсь в этом”, - ответил он. “Генетический состав человека - невероятно сложная система, как и сама Сила. Сила обладает способностью влиять на сознание, изменять восприятие и память, а также передавать сообщения на огромные расстояния без использования слов. Однако ДНК человека - это структура с присущими ей математическими ограничениями.”

Может ли этот образец ДНК быть воспроизведен Силой, и если да, то является ли это биологической связью? Натан долгое время хранил молчание. “Это... это выходит за рамки моего опыта или знаний в этой области. Любое мое заявление было бы, в лучшем случае, предположением. Без конкретных доказательств это не более чем спекуляция.”

Люк задумчиво кивнул и ненадолго замолчал. Когда к нему вернулось самообладание, его тон стал решительным, как будто он был согласен с Натаном. “Мне нужен образец крови

Палпатина”, - эти слова лишили Натана дара речи. “Что-нибудь еще?” наконец он справился с собой, и в его голосе прозвучало удивление. “Да, и у Вейдера тоже”, “Конечно!” - Раз уж я об этом заговорил, не могу ли я попросить вас попробовать что-нибудь еще более необычное? Но я считаю, что вы превзошли все ожидания. Натан с трудом закончил фразу. “Это действительно так важно?” “Сложно?” “Но это важно для меня и для всего, что я делаю”. “Правда?” Что изменилось бы, если бы это было так, помимо моего самоощущения? Спросил Люк. “Я бы не стал преемником Палпатина”, - ответил он. Натан смущенно отвел взгляд. “Ты не Палпатин. С каждым днем ты становишься все больше похожим на него. Я вижу это, Натан. Но я все еще не доверяю тебе”.

Люк продолжал тихим голосом: “Ты научился ориентироваться в Палпатине – действовать в его владениях, использовать его методы в своих интересах. Вот и все. Логический вывод таков: если мы хотим победить Палпатина, мы должны стать такими, как он”. Палпатин однажды заявил – когда я спросил, почему он не убил меня при нашей встрече – что тьма признает своих. Натан сделал паузу, тщательно подбирая слова. - Палпатины используют любые доступные средства. - Люк нахмурил брови. “ Нет, это отговорка. Невежество больше не вариант. Когда я стоял в той камере шесть дней назад, Палпатин сообщил мне, что совершить побег мне мешает моя собственная совесть. Он сказал, что если я открою дверь, это будет стоить жизни моим близким. Но это не слабость, Люк, ты это знаешь. - Люк поднял голову и долгое время молча смотрел на Натана.

"Я был близок к этому", - сказал он наконец. "Я подумывал о том, чтобы открыть дверь и просто пройти через это. Вы не представляете, насколько я был близок к этому.

Натан осознавал, каким огромным бременем это решение легло на Люка в последние дни. Как друг, он выразил свой глубочайший страх — что, если это все, что было у Люка, все, чем он когда-либо станет? Действительно ли Вейдер был создан темной стороной, и у него не было других аспектов? Палпатин пал по собственному выбору, но что стало с его отцом? Энакин все еще обладал добром, он чувствовал это — какой-то частью, которая не была поглощена тьмой. Возможно, он верил, что просто играет в игру, стоя рядом с Палпатином, как и в случае с самим Люком. Ему нужно было знать, выяснить, обладает ли он все еще способностью остановиться и отступить, играя в игру Палпатина.

- Ты не потеряешься, - заверил Натан. - По крайней мере, пока.

Люк покачал головой. ”Так вот во что верил мой отец?"Что, если он действовал со злым умыслом, по неправильным причинам, потому что ему просто не хватало способности увидеть разницу, сделать шаг назад и поразмыслить? И если эта неспособность является следствием самой его натуры, то как я могу привлечь его к ответственности?

После восьмидневного плавания, в течение которого "Несравненный" и "Бесстрашный" оставались позади, корабль "Патриот" наконец прибыл в пункт назначения. По расчетам Люка, основанным на прошедшем времени и его чувстве направления, он мог находиться в секторах Модделл или Аблайек. В качестве альтернативы, его также можно было найти в районах Спар или Вивенда.

Путешествие прошло на удивление гладко, что было почти неестественно, учитывая обстоятельства. Люк, хотя и не искал неприятностей, по прошлому опыту знал, что жизнь редко складывается именно так, как человек ожидает, а когда это случается, шторму часто предшествует затишье.Теперь Люк стоял рядом со своим наставником на мостике дредноута. Палпатин в очередной раз рассказал о событиях, которые ознаменовали спуск на воду нового

корабля. Люк, погруженный в свои мысли, вспомнил, как легко было обернуться против повстанцев и оправдать их уничтожение тем, что это было для их собственной выгоды.

"Важно то, что это знаменует собой существенный сдвиг в их стратегии", - заявил Палпатин. Он слегка повернулся, когда они медленно двинулись от задней части моста к передней по его внешнему маршруту. Его голос был тихим, но все же слышимым в тихой атмосфере мостика. Тем, кто слушал, казалось, что это был разговор между императором и его преемником о стратегии. Однако за его словами скрывалась тонкая игра. Палпатин ждал ответа от Люка. Их действия становились все более смелыми и рискованными. Как вы думаете, почему это так?- Честно говоря, - сказал Люк, - я в растерянности.

- Я подозреваю, что Мадин начинает оказывать влияние на руководство, которого Мотма не ожидала, - ответил Люк. Он ожидал, что присутствие одного из бывших офицеров Палпатина, перешедшего на сторону Альянса повстанцев, окажет более глубокое влияние.

Несколько мгновений Палпатин молчал, пока они шли. Затем, небрежным тоном, он спросил: "И во что верит ваш информатор?"

Люк не повернулся лицом к Палпатину, но продолжил идти, отвечая: "Да, мой информатор считает именно так. Каково ваше мнение?"

У Люка не было конкретных доказательств того, что Палпатин внедрил еще одного "крота" среди повстанцев, но ради Арго было важно выяснить правду. Игра в кошки-мышки продолжалась, а Палпатин смотрел в иллюминатор, явно не желая вступать в дальнейшую дискуссию. Люк понимал, что отсутствие ответа само по себе было ответом, но все же он знал, что его учитель заинтригован, поэтому Палпатин попробовал другой подход.

"Возможно, это Лея Органа", - предположил Палпатин.Люк никак не отреагировал и не попытался защититься. Возможно, у нее был более воинственный характер, чем у Мотмы, и она, несомненно, чувствовала себя обязанной проявить себя. В голове Люка промелькнуло выражение лица Леи — момент, когда он в ярости повернулся к ее группе, страх в ее глазах, когда рассеялся удушливый дым, и она в ужасе уставилась на него.

Где была грань? Перешел ли он ее, напав на них? Даже когда он знал об их предательстве, хотел ли он просто спасти жизнь Леи, пожертвовав теми, кто был рядом с ней, поставив во главу угла более высокую цель? Допустимо ли было терять некоторых людей ради общего блага — или все было наоборот?Его страх больше не был сосредоточен на том, сможет ли он выиграть игру — он больше беспокоился о том, когда следует выйти из игры. Император продолжал говорить, все еще выискивая слабое место, в то время как Люк пытался сосредоточиться, скрывая свои сомнения от Палпатина и расставляя хитроумные ловушки.

"Ты думаешь, она могла бы так поступить?" спросил он, изображая непонимание, зная, что Палпатин интересуется его мнением о побеге Леи, но не желая его высказывать. "Прошло много времени с тех пор, как мы в последний раз разговаривали. Время меняет людей, ты же знаешь, - сказал он с настороженным выражением лица.

Палпатин стоял перед обзорным экраном, глядя на водоворот со скоростью света, его взгляд, казалось, был расфокусирован. Мысли Люка были напряжены, он остро осознавал, что Палпатин внимательно следит за ним. Был ли этот разговор простым подшучиванием, насмешкой, или Палпатин почувствовал что-то неладное, но не смог продолжить? Как бы то ни было, в их разговоре не было искренности; это был просто запрос мнения. Палпатин всегда добивался того, чего хотел, независимо от желаний других. - Учитывая наше прошлое

взаимодействие, не было бы ничего удивительного, если бы она предприняла такие действия, - ответил Люк, качая головой и заставляя свои мысли отвлечься от образов, которые его отвлекали. Все, кто консультировал ее сейчас, были военными, так что вполне вероятно, что она избрала бы более агрессивный подход.

- Должен ли я отстранить ее от власти? - спросил Люк.

Император ответил: "Я думаю, вам следует полностью подавить восстание, но это кажется сложной задачей".

Неужели Люк не видел картину в целом? Что-то происходило за кулисами, скрытое за его беспокойством. Люк был поглощен Марой и восстанием, поглощенный собственными мыслями. Было ли это уловкой, чтобы отвлечь его внимание? Подыгрывая своему учителю, Люк не задал главного вопроса: каковы были истинные мотивы пребывания Палпатина там?

Люк нахмурился, его разум разрывался между словами учителя и их скрытым смыслом. Истинный вопрос был в том, почему Палпатин был там?

"Возможно, мне следует назначить награду за ее голову", - предположил император. "Вы бы не удивились, если бы я уже этого не сделал", - ответил Палпатин, сопровождая свои слова смешком. "Возможно, вам следует отправить меня за ней", - молча ответил Люк.

- Возможно, вы могли бы возложить на меня всю ответственность за подавление восстания, - сказал Люк, полуобернувшись к Палпатину, который снова рассмеялся, очевидно, удивленный целеустремленностью Люка.

Палпатин возразил: "Ты желал этого уже довольно давно". Люк молчал, но был полностью поглощен разговором. Он понимал, что крайне важно дать Палпатину почувствовать, что это его собственное решение.Люк не желал брать на себя ответственность за руководство восстанием по причинам, в которые верил Палпатин. Хотя учения Палпатина сформировали его точку зрения, у Люка также было свое собственное видение того, как действовать в сложившейся ситуации. Палпатин часто заявлял, что “знание - сила”, и Люк стремился двигаться вперед, меняя баланс сил между Империей и Альянсом повстанцев.

Чтобы добиться этого, Люку нужно было незаметно собрать разведданные в рядах повстанцев. Это был единственный способ контролировать повстанцев и направлять их. Он всегда стремился взять под свой контроль их действия, понимая, что глубоко укоренившееся мнение Вейдера о тех, кого он преследовал, помешало бы Люку установить с ними контакт даже для достижения своих собственных целей. Опасаясь раскола в их рядах, Вейдер использовал всю свою огромную силу, чтобы помешать усилиям Люка.Хотя было ясно, что Вейдер несет ответственность за восстание, Люк прекрасно понимал, что благожелательность его отца была в лучшем случае незначительной. Несмотря на их недавнее сотрудничество, такое положение дел осталось неизменным.

Люк еще не сообщал отцу о своих конечных целях и не собирался делать этого в будущем. Хотя в их отношениях наметилось улучшение, он признал, что не может полностью доверять своему отцу. Он не мог рассчитывать на то, что тот поставит интересы Люка выше своих собственных, что было очевидно на протяжении всей их истории.

Учитывая это, Люку стало необходимо взять на себя управление операциями по борьбе с повстанцами. Это было единственным способом обеспечить доступ к повстанцам. "Я рассмотрю ваше предложение", - заявил Палпатин, позволив на мгновение воцариться тишине, пока его взгляд возвращался к сияющему величию гиперпространства. "Скоро вы примете на себя

новые обязанности, и я не хочу, чтобы вы отвлекались. Тем не менее, возможно, со временем эти задачи можно будет объединить. Действительно, я подумаю об этом." "Благодарю тебя, Господи", - ответил Люк, склонив голову, чтобы скрыть свой восторг. Не прошло и дня, как он обнаружил, что стоит на том же месте, что и его наставник, и игра, организованная Палпатином, приняла катастрофический оборот.

- Вы не согласны, - сказал Палпатин, стоя перед обзорным экраном. Его взгляд был прикован к наполовину построенной боевой станции, серебряной жемчужине, висящей в ночной тьме, которая с каждым мгновением становилась все больше и бесспорнее. Палпатин оставался неподвижным, его внимание было сосредоточено на Скайуокере, ища любые признаки слабости, но не находя их.

Скайуокер стоял рядом с ним, сцепив руки за спиной, его поза была расслабленной, но настороженной, а голос пренебрежительным. Но Палпатин знал, что за этими глазами, должно быть, скрывается глубокая мысль. Они вышли из гиперпространства после девятидневного путешествия, все еще приближаясь к массивной боевой станции над утопающей в зелени планетой, название которой Палпатин не мог вспомнить. Он медленно прошел в переднюю часть мостика и встал рядом со своим спутником-джедаем, когда рулевой объявил об их скором прибытии, желая стать свидетелем момента, когда станция выйдет из гиперпространства. Остальные офицеры инстинктивно отступили, оставив их одних на мостике.Палпатин обратился к своим джедаям, наблюдая за выражением их лиц, когда они поняли, куда направляются. Несмотря на то, что станция выглядела как скелет, уверенность Палпатина относительно ее формы была непоколебимой, поскольку массивная станция была почти достроена. Это зрелище, должно быть, вызвало воспоминания о его предшественнике, который был уничтожен Скайуокером на Явине IV, и этот подвиг впервые привлек внимание императора к Палпатину.

"Существует вечная потребность в стабильности", - заметил Палпатин, ожидая ответа от своих последователей. "Возможно, - признал его учитель, - но я не верю, что это произойдет. Это проявление вашей силы. Сила - это синоним стабильности, превыше всех других качеств."

- Чрезмерное угнетение может породить инакомыслие. Будь осторожен и не проявляй никаких эмоций, потому что твой хозяин ждет реакции. Ты не должен давать ему ее. - продолжил Люк, - Диссонанс - это явление, с которым можно справиться, если знать как. Важно понимать его происхождение и направление своих усилий. Человек может видеть одного противника, но на самом деле они разбросаны по всему ландшафту.”

Палпатин говорил с уверенностью: “Ты найдешь свою цель. Молодой человек поднял взгляд, осознавая это, и пронзительные, с желтыми крапинками глаза Палпатина обратились к нему. "На тебя возложена ответственность за завершение этого проекта и приведение его в действие. Мой дорогой друг, чтобы справиться с этой задачей, нужна твердая рука. Ваше прибытие на Корускант знаменует собой момент, когда я потерпел неудачу в своих усилиях продвинуть ее вперед.

Хотя Альянс повстанцев, возможно, и отступил из Центральных систем, его присутствие на территориях Приграничья остается угрозой. Оглядываясь назад, я признаю, что вы были правы в своей оценке своей способности добиться того, чего не смог ваш отец.

Регион Приграничья представляет собой серьезную проблему, сродни оборонительному рубежу. Первоначально он заинтересовал Палпатина, но его внимание по-прежнему было сосредоточено на незавершенной "Звезде смерти". Тем не менее, его последующие слова

умерили его подозрения, поскольку он ясно представлял себе стоящую перед ним задачу.""Даже если это оружие может быть применено только в одном месте в любой момент времени, - сказал Палпатин, - это все, что требуется, если оно используется правильно. Однако любое средство устрашения становится эффективным только тогда, когда рука, владеющая им, сильна. Если бы я вручил это оружие вашему отцу, он без колебаний применил бы его, что, как вы сказали, только усилило бы оппозицию.

"Если тебе нечего терять, почему бы не воспользоваться случаем и не вступить в бой?" - спросил мальчик, осознавая парадоксальность сложившейся ситуации. Этот конфликт носит глобальный характер и лишен личного участия, что делает его неспособным проводить различие между невинными людьми и повстанцами, что приводит к неизбиратель-ному возмездию. Молодой человек обратился к своему наставнику, зная, что Палпатин оценит его понимание как преимуществ, так и недостатков этого конфликта."Но вы также верите, что в этом его сила, поскольку это сделает повстанцев нежеланными и непопулярными, где бы они ни скрывались. Возмездие будет абсолютным, безоговорочным и всеобщим. Потенциально за злодеяния одного человека может поплатиться целая галактика. Повстанцев в самых отдаленных уголках галактики нельзя сбрасывать со счетов, поскольку, поступая так, они рискуют подвергнуть опасности свои семьи. Не может быть терпимости или молчаливого согласия, когда последствия так очевидны. Каждый человек в каждом уголке галактики заинтересован в искоренении этих угроз, сообщая о них."

Палпатин улыбнулся, подумав о том, что молодой человек хорошо усвоил свой урок. Возможно, он приложил бы столько же усилий к обучению своего собственного отца, но Вейдер лишился всех прав, когда не смог победить Кеноби и растратил силу, дарованную ему Палпатином. В тот момент Вейдер стал просто инструментом в руках Палпатина, который можно было использовать и выбросить, как и любого другого ученика ситхов.Палпатин испытывал смесь эмоций: сожаление о том, что Вейдером было бы легче манипулировать, и удовлетворение от того, что он довел молодого человека до такого состояния и сделал его своим инструментом.

"Вы понимаете значение этого оружия?" Спросил Палпатин своего бывшего джедая. "Вы всегда были моим самым ценным инструментом", - продолжил он, смягчив тон.

Глаза Люка были прикованы к видению перед ним, когда прошлое и настоящее столкнулись, оставив его в напряженном, двусмысленном молчании. Он понимал — просто не обязательно соглашался. Хотя он не был настолько наивен, чтобы высказать это вслух — или позволить даже намеку на это просочиться сквозь вездесущие щиты, которыми он был окружен.

Палпатин продолжил, предполагая, что они пришли к согласию. - Когда он вступит в строй, он будет передан вашему флоту с задачей направить его мощь против повстанцев. Вы неоднократно просили об этом назначении, но я всегда отказывал, полагая, что вы еще не готовы. Ваши действия на борту "Патриота" были образцовыми. Теперь я уверен, что вы способны взять на себя ответственность и выполните все обязательства, связанные с этой ролью".

- Мне это не нужно, - сказал Скайуокер. - Предоставьте мне доступ к мирам Приграничья, и я все равно демонтирую системы. Это займет у меня не меньше года. Предоставьте мне этот год и я буду управлять силами Вейдера по борьбе с повстанцами...Палпатин покачал головой в решительном отрицании. Наконец, он предложил взятку, точно зная, как соблазнить его перспективой получить то, чего он жаждал больше всего: “Нет, но как только ты закончишь с этим оружием, ты сможешь свободно использовать его там, где сочтешь нужным, мой дорогой мальчик”. На мгновение Люк просто уставился на него, не находя слов... Но, зная своего

бывшего учителя так долго, он уже обдумывал предложение, обдумывая последствия… Палпатин дал ему то, что он хотел, но за это всегда была цена — всегда была.

Люк оглянулся на незавершенное чудовище, стоявшее перед ним, - пережиток прошлого, который задел его за живое и вселил в него глубокие сомнения. Способствовал ли он уничтожению его предшественника? Действительно ли он хотел создать его преемника? Был ли он готов расстаться со столь многим?Он задумался, глядя на маленькую луну за пустынной станцией, затем на далекие звезды, ища какой-нибудь ориентир…. "Где это находится?" Люк воздержался от расспросов, не желая раскрывать своих истинных намерений. - Можем ли мы быть уверены, что это безопасно?

"Да", - серьезно ответил Палпатин, - "Уже некоторое время. Мы ушли достаточно далеко от проторенных путей, чтобы обеспечить секретность".

Император поинтересовался: "Планета необитаема? Похоже, она пригодна для жизни". Он пренебрежительно посмотрел вниз, пытаясь вспомнить название планеты. "Эндор находится во Внешнем Кольце, на границе неизвестных регионов. Лишенный технологий и минеральных богатств, он не имеет никакого отношения к галактической цивилизации. И все же он обладает тем, что мне нужно: силой".Люк едва слышал слова своего учителя, его мысли были заняты не предложением Палпатина о будущей свободе за пределами Основных систем, если он выполнит задание императора... а осознанием того, что принятие этой миссии может потребовать скорейшего ослабления ограничений.

Он смотрел на своего хозяина с бесстрастным, пытливым выражением лица, его мысли метались: Эндор… во Внешнем Кольце… Император продолжал, не обращая внимания на рассеянное внимание Люка. “Я бы не стал оставлять такой важный проект без защиты — на луне-убежище есть несколько генераторов защитных полей...”

Люк рассеянно кивнул, его мысли все еще метались: Эндор. Если бы он согласился на это задание, ему пришлось бы тайно отправиться во внешнее кольцо, поскольку его существование было засекречено. Скрываясь от официального и неофициального расследования, он мог бы избежать пристального внимания императора. Что еще более важно, это дало бы Люку то, в чем Палпатин постоянно отказывал ему: неограниченный доступ как к Центральному, так и к периферийному флотам.У него в голове начали вертеться возможности; он мог бы постепенно заменить надежных союзников из обоих флотов под предлогом укомплектования проекта. Он создал бы командную структуру, которая дала бы ему абсолютный контроль.

Объем поставок и технологий, которые будут доставлены, будет огромен — часть из них будет легко перенаправить. Расширяйте и усиливайте 701-й флот быстрее, чем предполагалось. Удвойте его размер и разделите между "Несравненным" и "Патриотом", а затем снова между "Патриотами" и этой станцией.

Он уже разместил на борту "Несравненного" секретное подразделение вместе с надежным капитаном. Если и когда он решит действовать, они обеспечат лояльность "Несравненного". Это дает ему "Несравненного", Патриотов, Исполнителей... а теперь это.Кроме того, есть опытные капитаны "звездных разрушителей" и командный состав на многих других кораблях, а также агенты под глубоким прикрытием из 701-го, которые могут обеспечить, чтобы эти доверенные офицеры сохраняли контроль в назначенное время.

Его начальник продолжал что-то говорить, и Люк время от времени кивал в знак согласия, его разум все еще перебирал возможные варианты. Еще раз — всего лишь в который раз — он представил себе Звезду Смерти, вспоминая свои прежние убеждения… Но они мгновенно

исчезли, вытесненные осознанием этого шанса.

В конце концов, он не стал бы помогать Палпатину; это была возможность осуществить все, чего желали те далекие воспоминания — унизить императора. В своем пылком и близоруком стремлении к власти Палпатин был архитектором всего, что Люк потерял. Вполне естественно, что его наивысшее проявление силы послужило ключом к его гибели.Люк не мог устоять перед этим шансом — он видел в нем только потенциал. Его учитель был прав. Власть — это стабильность, превыше всего… но не власть Палпатина.

http://tl.rulate.ru/book/24624/1246217